

В.С. Симкина

Мотивный строй прозы В. Пелевина (буддийский аспект)

В статье освещается вопрос о буддийском модусе философствования в прозе В. Пелевина, подробно рассматриваются буддийские мотивы в текстах писателя 1990–2010-х гг. Основное внимание уделяется мотивам страдания, иллюзорности бытия и пустоты, занимающим видное место в текстах Пелевина.

Ключевые слова: буддийские мотивы; мотив страдания; мотив иллюзорности бытия; мотив пустоты.

Рецепция текстов Виктора Пелевина в отечественном литературоведении отличается крайней противоречивостью и неоднозначностью. Ряд исследователей, атрибутирующих эстетическое и онтологическое пространство текстов писателя как постмодернистское, приписывают ему снижающе-пародийное перекодирование буддийских философов, ставших постоянными мотивами романистики Пелевина. Так, С. Сиротин буддийские интенции прозы Пелевина мыслит «удачным экспонатом истины» и утверждает, что «не Пелевин привязан к буддизму, а буддизм к Пелевину — в качестве детали конструктора» [12]. Как элемент мозаики смыслов буддийскую составляющую текстов Пелевина рассматривает и Ю. Щербинина, артикулирующая симуляцию и мистификацию в виде художественной стратегии Пелевина. Исследователь говорит о «мантии мистификации», под которой понимает следующее: «Данной метафорой я условно обозначила все многочисленные и по-пелевински неизменно завораживающие “тексты в текстах”: рукописи, якобы обнаруженные “в одном из монастырей Внутренней Монголии” (“Чапаев и Пустота”), извлеченные с антресолей папки-скоросшиватели с философскими трактатами (“Generation П”), найденные в московских парках компьютерные файлы (“Священная книга оборотня”), рабочие тетрадки с конспектами лекций по гламуродискурсу (“Ампир В”) и т. д. и т. п. Все это — обнаруженное, извлеченное, найденное — становится предметом спекуляции или розыгрыша, а иногда и того, и другого» [16: URL].

Однако большинство исследователей, в фокус внимания которых попадает буддийский пласт текстов В. Пелевина, считают, что он являет собой не набор вторичных элементов, которые автор подвергает игровой десемантизации, а оказывается идейно-художественной вехой всего творчества писателя. Так, известный литературный критик и эссеист, А. Генис, назвал роман «Чапаев и Пустота» (1999) «первым в России дзен-буддистским романом» [8: с. 232].

В статье «Феномен Пелевина» Генис дает наиболее точную характеристику творчества писателя, полагая, что «Буддизм в нем — не экзотическая система авторских взглядов, а неизбежный вывод из наблюдения над современностью» [9: с. 27]. О.С. Чебоненко прямо указывает на то, что «необыкновенно важным пластом творчества Пелевина является дзэн-буддийское, “дальнево-сточное” осмысление действительности» [15: с. 167]. С. Корнев подчеркивает, что восточный вектор текстов Пелевина ориентирован на такую традицию буддизма, как Махаяна: «Так что под видом безобидных маленьких рассказов он, на самом деле, преподносит нам обычный для этой религии жанр пропедевтики» [10: с. 251]. Среди прочих исследователей, рассматривавших буддизм как философскую основу романистики Пелевина, можно выделить М. Безрукавую, О. Богданову, Т. Боеву, Н. Нагорную, Г. Нефагину, Т. Сорокину, А. Щербина и др.

О релевантности буддизма как онтологической концепции, выступающей смысловой доминантой прозы В. Пелевина, свидетельствует тот факт, что в каждый текст писателя «встроен» ряд мотивов и концептов данного учения, излагающегося либо в форме трактатов, перемежающихся с сюжетными узлами текстов, благодаря излюбленной Пелевиным рамочной композиции, либо в виде дзеновских коанов, обуславливающих назидательную стратегию прозаика. Так или иначе, но философский потенциал романистики Пелевина зиждется на буддийских мотивах, которые, однажды попав в регистр читательского опыта, становятся маркером, опознавательным признаком, по которому книгочеи безошибочно идентифицируют прозу рассматриваемого писателя.

Так, постоянным буддийским мотивом для текстов Виктора Пелевина оказывается *мотив страдания*. Исходным положением буддизма — Первой Благородной Истиной — является Истина о страдании (дукха): «Все есть страдание. Рождение — страдание, болезнь — страдание, смерть — страдание. Соединение с неприятным — страдание, разлучение с приятным — страдание. Поистине все пять групп привязанности суть страдание» [14: с. 21]. Таким образом, страдание представляется адептам буддизма фундаментальным свойством бытия. Известный специалист в отечественной буддологии Е. Торчинов обстоятельно рассматривает это свойство: «Буддизм в значительно большей степени, чем другие религии, подчеркивает связь жизни со страданием. Более того, в буддизме страдание есть фундаментальная характеристика бытия как такового. Это страдание не есть результат некоего грехопадения и утраты изначального рая. Подобно самому бытию, страдание безначально и неизменно сопровождает все проявления бытия» [14: с. 21]. Страдание как феноменальный опыт человечества выступает синонимом *Сансары* (бесконечной череды перерождений, преисполненных томлением и болью) и антонимом *Нирваны* (пробуждение, освобождение от тягостного бытия и перевоплощений дхарм).

Страдание становится ведущим мотивом романистики Пелевина буквально с первых опубликованных текстов. Например, в одном из ранних рассказов писателя — «Иван Кублаханов» (1994), — главный герой, в лице которого воплощена буддийская аллегория «сна, который снится самому себе», отрефлексирав собственное существование, достиг осознания того, что «Иван Кублаханов был просто мгновенной формой, которую принимало безымянное сознание, — но сама форма ничего об этом не знала. А ее жизнь, как и у остальных сонма теней, была почти чистым страданием. Разумеется, это страдание было ненастоящим и мимолетным, но таким же был и сам Иван Кублаханов, ничего не знавший о своей иллюзорности — потому что знать было некому» [5: с. 395]. Как явствует из приведенного фрагмента, мотив страдания в прозе Пелевина переплетен с другим буддийским мотивом — мотивом иллюзорности бытия, речь о котором пойдет далее.

Спустя 19 лет в романе «Бэтман Аполло» (2013) Пелевин, верный принципам своей поэтики, неизменно оставляет магистральной смысловой инстанцией мотив страдания: «Люди настолько глубоко погружены в страдание, что научились считать “счастьем” тот его уровень, когда они еще способны растянуть лицо в требуемую приличиями улыбку» [3: с. 282]. И далее:

— Вы хотите сказать, счастливых людей вообще нет?

— Есть временно счастливые. Ни один человек в мире не может быть счастливее собственного тела. А человеческое тело несчастно по природе. Оно занято тем, что медленно умирает. У человека, даже здорового, почти всегда что-нибудь болит. Это, так сказать, верхняя граница счастья. Но можно быть значительно несчастнее своего тела — и это уникальное человеческое ноу-хау [3: с. 313].

Таким образом, согласно Пелевину, существование человека, способного, в отличие от животных, к абстрактному мышлению (обусловленному неким «умом “Б”» — производителем иллюзий), отягощено, помимо физической боли, ментальными страданиями.

Среди номинаций реалий буддизма, встречающихся на страницах книг В. Пелевина, одной из наиболее частотных оказывается «иллюзия», восходящая к буддийскому мотиву иллюзорности бытия (*майя*). Иллюзорность и мнимость человеческого существования состоит в том, что истинная природа вещей скрыта от затуманенного взора людей, пребывающих в неведении (*авидья*), в связи с чем их «души» с каждым новым перерождением обречены переживать сансарический опыт.

Примечательно, что в романистике Пелевина мотив иллюзорности бытия ассимилирует в себя проблему фиктивности и симулятивности всех языковых детерминаций, на основе которых человечество выстраивает онтологические проекции, все больше погружаясь в пучину неведения. Так, героиня романа «Священная книга оборотня» (2004), лиса А, иронизирует над попытками людей познать «истину» в категориях дискурсивного мышления: «На основной вопрос философии у лис есть основной ответ.

Он заключается в том, чтобы забыть про основной вопрос. Никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину. Но лучше упереться в такой тупик в первом же абзаце, чем через сорок лет изысканий и пять тысяч исписанных страниц» [6: с. 285].

Репрезентируемая в прозе Пелевина эпистемологически шаткая ситуация дает новое, художественное, измерение постструктуралистской проблеме «отсутствия наличия» в языке означающего без означаемого и мира как комплекса самореферентных знаков. Например, героя пелевинской «Записи о поиске ветра» (2003) внезапно постигает озарение (*сатори*) об изначальной иллюзорности и фиктивности «семиотического освоения» действительности:

Мне вдруг открылся самый чудовищный заговор <...>. Этот заговор, в котором состоим мы все, даже не догадываясь об этом, и есть мир вокруг. А суть заговора вот в чем: мир есть всего лишь отражение иероглифов. Но иероглифы, которые его создают, не указывают ни на что реальное и отражают лишь друг друга, ибо один знак всегда определяется через другие. И ничего больше нет, никакой, так сказать, подлинной персоны перед зеркалом. Отражения, которые доказывают нам свою истинность, отсылая нас к другим отражениям. Глупость же человека, а также его гнуснейший грех, заключен вот в чем: человек верит, что есть не только отражения, но и нечто такое, что отразилось. А его нет. Нигде. Никакого. Никогда. Больше того, его нет до такой степени, что даже заявить о том, что его нет, означает тем самым создать его, пусть и в перевернутом виде [4: с. 374–375].

Следовательно, мотив иллюзорности бытия в романистике Виктора Пелевина оказывается поливариативно емким и отсылает к концепту семиотического «следа», разрабатываемому французским философом, Ж. Деррида. Лежащий же в основе архитектоники текстов писателя сюжет «движения к освобождению» сводится в первую очередь к освобождению от вербализации, от власти дискурсов.

Наконец, рефреном прозы Пелевина становится буддийский мотив пустоты (*шуньята*). Доктрина пустотности сущего, интенциональная в буддизме Махаяны основам миромоделирования и мировосприятия, редуцируется к «пустоте внутреннего, внешнего, внутренне-внешнего, пустоты, великого, высшего, обусловленного, необусловленного, того, что выходит за пределы противоположностей, того, что не следует оставлять, самобытия явлений, всех явлений, собственных признаков явлений, необъективируемого, небытия» [13: с. 812]. Изначальная пустотность бытия составляет сокровенную суть для буддистов, и ее постижение позволяет последователям данной философской системы преодолеть континуум ложных смыслов и достичь просветления (*бодхи*) и освобождения.

Осознание того, что любая форма, по сути, пустота, и приводит героев книг В. Пелевина к отрицанию эмпирического Я и самоидентификации

как полной и безоговорочной пустоты, т. е. как «Никого», пришедшего в мир из «Ниоткуда» и устремленного в «Никуда»:

— Что ты называешь «я»?

— Видимо, себя.

— Ты можешь мне сказать, кто ты?

— Петр Пустота.

— Это твое имя. А кто тот, кто это имя носит?

— Ну, — сказал я, — можно сказать, что я — это психическая личность.

Совокупность привычек, опыта... Ну знаний там, вкусов.

— Чьи же это привычки, Петька? — проникновенно спросил Чапаев.

— Мои, — пожал я плечами.

— Так ты ж только что сказал, Петька, что ты и есть совокупность привычек.

Раз эти привычки твои, то выходит, что это привычки совокупности привычек?

— Звучит забавно, — сказал я, — но, в сущности, так и есть.

— А какие привычки бывают у привычек? [7: с. 145]

Следовательно, если «форма есть пустота и пустота есть форма», как гласит «Сутра сердца», то собственное *Я* представляет собой лишь умозрительную конструкцию, перестав производить которую нашими мыслительными усилиями, мы растворимся в пустоте, в небытии, о чем догадывается герой романа «t» (2009), граф Т.: «Надо постоянно что-то думать, а то исчезну совсем, растворюсь, как сахар...» [2: с. 170]. Очевидно, буддистский мотив пустоты соотносится в прозе Пелевина с философскими выкладками субъективного идеализма, или солипсизма.

Но такой же пустотелой формой, наполненной индивидуальным содержанием, оказывается и весь мир вокруг, что отчетливо артикулируется Пелевиным в каждом из его текстов, например, в романе «S.N.U.F.F.» (2011):

Откуда все берется. Из тебя самого. И докажу очень просто. Что есть все это? То, что ты видишь, слышишь, чувствуешь и думаешь в сей миг, и только. Такое сотворить мог только ты, и никто больше, ибо видят твои глаза, слышат твои уши, чувствует твое тело, а думает твоя голова. Другие увидят иное, ибо их глаза будут в другом месте. А если даже узреют то же самое, размышлять об этом станет чужая голова, а в ней все иначе. Иногда еще болтают, что есть “мир вообще”, который один для всех. Отвечу. “Мир вообще” — это мысль, и каждая голова думает ее по-разному. Так что все по-любому берется из нас самих [1: с. 105–106].

Следовательно, наряду с буддийским мотивом пустоты в художественном пространстве текстов Пелевина активно циркулирует тезис Р. Декарта: «Мыслю, следовательно, существую».

Таким образом, мы рассмотрели буддийские мотивы страдания, иллюзорности бытия и пустоты в текстах В. Пелевина и показали значимость буддийского модуса философствования для прозы писателя.

Библиографический список

Источники

1. Пелевин В.О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
2. Пелевин В.О. Т: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 416 с.
3. Пелевин В.О. Бэтман Аполло: роман. М.: Эксмо, 2013. 512 с.
4. Пелевин В.О. Запись о поиске ветра // Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: избр. произв. М.: Эксмо, 2003. С. 370–384.
5. Пелевин В.О. Иван Кублаханов // Синий фонарь: сб. М.: Эксмо, 2014. С. 386–397.
6. Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2015. 416 с.
7. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота: роман. М.: Вагриус, 2004. 416 с.

Литература

8. Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М.: НЛЮ, 1999. 336 с.
9. Генис А. Феномен Пелевина // Общая газета. 1999. № 19. С. 25–30.
10. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодерн быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // НЛЮ. 1997. № 28. С. 244–259.
11. Лягушкина Н.В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2. С. 55–61.
12. Сиротин С. Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме // Урал. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11.html> (дата обращения: 03.06.2017).
13. Терентьев А.А. Шуньята // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; ИФ РАН. М.: Вост. лит., 2011. С. 811–812.
14. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Амфора, 2005. 304 с.
15. Чебоненко О.С. Литературные интерпретации жизненных смыслов дзэн-буддистского востока в произведениях XX в. (на примере романа В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота») // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. 2011. № 10. С. 164–170.
16. Щербинина Ю. Who is mr. Пелевин? // Континент. 2011. № 150 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/s39.html> (дата обращения: 03.06.2017).

References

Istochniki

1. Pelevin V.O. S.N.U.F.F. М.: E'ksmo, 2012. 480 s.
2. Pelevin V.O. T: roman. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 416 s.
3. Pelevin V.O. Be'tman Apollo: roman. М.: E'ksmo, 2013. 512 s.
4. Pelevin V.O. Zapis' o poiske vetra // Dialektika Perexodnogo Perioda iz Niotkuda v Nikuda: izbr. proizv. М.: E'ksmo, 2003. S. 370–384.
5. Pelevin V.O. Ivan Kublaxanov // Sinij fonar: sb. М.: E'ksmo, 2014. S. 386–397.
6. Pelevin V.O. Svyaschhennaya kniga oborotnya. М.: E'ksmo, 2015. 416 s.
7. Pelevin V.O. Chapaev i Pustota: roman. М.: Vagrius, 2004. 416 s.

Literatura

8. *Genis A.* Ivan Petrovich umer. Stat'i i rassledovaniya. M.: NLO, 1999. 336 s.
9. *Genis A.* Fenomen Pelevina // *Obshhaya gazeta*. 1999. № 19. S. 25–30.
10. *Kornev S.* Stolknovenie pustot: mozhet li postmodern by't' russkim i klassicheskim? Ob odnoj avantyre Viktora Pelevina // *NLO*. 1997. № 28. S. 244–259.
11. *Lyagushkina N.V.* K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2012. № 2. S. 55–61.
12. *Sirotin S.* Viktor Pelevin: e'volyutsiya v postmodernizme // *Ural*. 2012. № 3 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11.html> (data obrashheniya: 03.01.2017).
13. *Terent'ev A.A.* Shun'yata // *Filosofiya buddizma: e'nciklopediya / otv. red. M.T. Stepanyancz; IF RAN. M.: Vost. lit.* 2011. S. 811–812.
14. *Torchinov E.A.* Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij. SPb.: Amfora, 2005. 304 s.
15. *Chebonenko O.S.* Literaturny'e interpretacii zhiznenny'x smy'slov dze'n-buddistskogo vostoka v proizvedeniyax XX v. (na primere romana V.O. Pelevina «Chapaev i Pustota») // *Vestn. Buryatsk. gos. un-ta*. 2011. № 10. S. 164–170.
16. *Shherbinina Yu.* Who is mr. Pelevin? // *Kontinent*. 2011. № 150 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/s39.html> (data obrashheniya: 03.01.2017).

V.S. Simkina

**Motive Framework in Victor Pelevin's Prose
(Buddhistic Aspect)**

The article addresses the issue of buddhistic mode of philosophizing in Victor Pelevin's prose, and discusses in detail the buddhistic motives in his writings of the 1990–2010s. The focus is on the motives of suffering, of illusory nature of being and of emptiness, which occupy a conspicuous place in Pelevin's works.

Keywords: buddhistic motives; motive of suffering; motive of the illusory nature of being; motive of emptiness.